

Ника Климова

ВЕДЬМА ИЗ
СТАРОПАТКИНО

16+

Ника Климова
Ведьма из Старопяткино

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Климова Н.

Ведьма из Старопяткино / Н. Климова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Что такое не везет? Я знаю об этом не понаслышке. Вся моя жизнь - это бесконечная череда проблем, и они не заканчиваются никогда. Вот и сейчас я снова без работы, без парня, в затопленной соседями квартире. Еще и наследство какое-то на голову свалилось. Ну чуяла же, что не к добру оно мне. Нет же, захотелось взглянуть. Взглянула? Молодец! А выпутываться как будешь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Что такое не везет и как с этим бороться? Этот вопрос я перестала задавать себе лет эдак пару назад. Просто потому что бессмысленно. Если судьба решила «осчастливить» вас бесконечными проблемами, то, поверьте, бороться с этим бесполезно. Остается только смириться и относиться философски. Кто-то вообще успокаивает себя мыслью: «Все что ни делается – делается к лучшему!» Я тоже старалась усиленно в нее поверить, но лучше почему-то не становилось.

Во-первых, мне изменил парень. Не раз, не два и даже не три. А узнала я об этом от его любовницы две недели назад. Дама требовала оставить его в покое, ибо ей мой парень нужнее. Да ради Бога! Не стала спорить, угрожать, скандалить. Просто собрала вещи Олега и торжественно вручила ему на пороге квартиры. А после узнала о себе столько интересного, как будто это я ему рога наставила. И что я черствая, и что холодная, и что вечно таскаюсь с какими-то котами, и цветы его мои достали, и то, что я такая мягкотелая и добрая – тоже. В общем, как только и, главное, зачем терпел меня почти год? Лично мне было непонятно, но уточнять не стала. Не люблю я скандалы. Плохо мне потом после них. Нет, сказать, что я не переживала уход Олега, было нельзя. Переживала. Даже поревела в душе, а наутро болело, но уже не так. К тому же я почти смирилась с тем, что не видать мне счастья в личной жизни. За свои двадцать четыре года меня трижды бросали без объяснения причин и дважды уходила я сама, потому что дальше такие отношения продолжать было невозможно. И после измены Олега, почти разуверилась в мужчинах, решив, что принцы вымерли еще при Петре I, поэтому все силы бросила на работу. И тут мы плавно подходим к «во-вторых».

Во-вторых, сегодня меня уволили. Кризис, оптимизация и все такое. Это мне директор сказал. Пел долго и красиво и даже скорбную мину соорудил. К слову сказать, это мое далеко не первое увольнение. С работой мне везет также как в личной жизни. Иначе говоря, никак. За шесть лет я сменила пять мест. Работала администратором в салоне красоты, спортивном клубе, аниматором в детском развлекательном центре, секретарем, даже курьером и, наконец, менеджером по работе с клиентами в центре полиграфии. При этом в дипломе было указано, что я бухгалтер, но сидеть целый день над цифрами, сводя несводимое, не для меня. А училась только по настоянию мамы, ибо образование должно быть и точка! Теперь у меня было образование, но не было работы. И вовсе не потому, что мне везде не нравилось. Просто куда бы я ни устраивалась, там вскоре начинался кризис и та самая оптимизация. А пара фирм и вовсе закрылись. И если я в ближайшие несколько дней на найду новую работу, то останусь еще и без крыши над головой, потому что моя хозяйка ждать оплату не станет. Ей мои проблемы до лампочки.

Ну и наконец, в-третьих, завершением сегодняшнего дня, так сказать, вишенкой на торте стали мои соседи сверху, а точнее потоп, который они устроили. И уже не первый раз. Поклонники зеленого змия, они часто забывали закрыть кран, а в раковине в это время почему-то оказывались то посуда, то носки, даже нижнее белье. А страдала потом я. Нет, хозяйка квартиры, конечно, пыталась с ними бороться, грозила судами, небесными карами, если они еще раз, но проблема была в том, что взять с этих товарищей было нечего, кроме тех носков и трусов из раковины, поэтому Тамара Петровна быстро остывала, а я в счет квартплаты делала косметический ремонт. Но сегодня они превзошли себя. На кухне с потолка капало. На полу не было сухого места. А мебель и бытовая техника восстановлению уже не подлежали. Мне захотелось сесть прямо в этот океан и просто разреветься. Чем я так прогневала судьбу, что она настолько меня ненавидит?

Разборки с соседями и хозяйкой заняли добрых три часа, после чего я полночи убирала все это безобразие, а после, прижав к себе двух когда-то подобранных на улице котов, уснула без задних ног, чтобы на следующий день проснуться от телефонного звонка. Очень настойчивого и противного. Тимка и Кеша разбежались сразу. Они терпеть не могли эти трели. Я же с трудом нащупала смартфон и спящими полузакрытыми глазами пыталась разглядеть, кому в такой ранний час не спится. Номер был незнаком. Махнуть бы рукой да дальше завалиться спать, но палец, предательски наплевав на мое мнение, скользнул по экрану.

– Аллю, – произнесла сонно и недовольно.

– Алена Владимировна Воронина? – спросил приятный и очень серьезный мужской голос.

– Да, – я вмиг проснулась, надеясь, что директор передумал и решил вернуть меня на работу.

– Вас беспокоит нотариус. Мое имя Аркадий Викторович Смолянов.

– Э, слушаю вас, – надежда рухнула и ее место заняло удивление. Нотариусу-то я зачем понадобилась?

– А вдруг работу хочет предложить? – надежда снова подняла разбитую при падении голову. И то, что знать он обо мне не мог, а я никогда о нем не слышала, в расчет не бралось.

– На ваше имя оставлено завещание.

– Что оставлено? – опешила я. Надежда уронила голову и больше ее не поднимала – сдохла окончательно.

– Зинаида Тимофеевна Воронина оставила на вас завещание. Вам необходимо подойти в нашу контору в будние дни с девяти до шести, чтобы все оформить.

– Что оформить? – не поняла я, растерявшись в конец.

– Вы должны принять наследство, Алена Владимировна.

– Какое наследство? – мне казалось, что это какая-то шутка или просто ошиблись номером.

– Зинаида Тимофеевна Воронина оставила на вас завещание. По телефону я не могу сказать вам, что именно в этом завещании. Вам нужно подойти ко мне в офис с паспортом, – мужчина говорил медленно, как будто убеждал сумасшедшую в том, что лечение ей действительно необходимо.

– Это какая-то ошибка, – сбросила я, наконец, оцепенение. – Я не знаю никакой Зинаиду Тимофеевну Воронину. Может, вы обознались?

– Нет никакой ошибки, Алена Владимировна, – с нажимом произнес нотариус. – Я жду вас в своем офисе по улице Мира сорок два. Офис сто пятый. Паспорт не забудьте.

И он положил трубку.

– Черте что, – пробормотала я, глядя на черный экран. – Какое наследство? Бред какой-то. Только наследства мне сейчас и не хватало до полной кучи.

Подняв голову, я поняла, что уже день. На часах было почти двенадцать. Вот это я спать, однако! Коты сидели перед диваном и смотрели на меня голодными глазами. Вспомнив, что идти придется на залитую кухню, мне захотелось накрыться одеялом с головой и снова уснуть. И спать, пока кто-нибудь не придет и все не уберет, не исправит, не отремонтирует. Но две пары глаз... Голодных глаз... Уж больно я жалостливая. Аж самой иногда противно. Не могу пройти ни мимо бездомных кошек и собак, ни мимо выброшенных растений, ни мимо попрошайек. Всем надо помочь! А кто поможет мне? Об этом история умалчивает.

Накормив котов и уныло окинув взглядом утопленную плиту, я решила, что принять душ будет куда безопаснее, а потом можно и к маме съездить позавтракать. Точнее уже пообедать. Стоп! К маме нельзя! Узнает, что я опять безработная, есть буду не я, а меня. Приуныла. На кафе сейчас тратиться не самое лучшее время. Кто знает, когда я найду работу? Придется

затянуть поясок потуже. Ну не сидеть же голодной? Эх, ладно, к маме, так к маме. А о том, что меня уволили, говорить ей совсем необязательно!

Выйдя на улицу и вдохнув полной грудью морозный воздух, я задумчиво посмотрела на Витька. Нет, это не сосед, не кот и не собака. Это мой старенький Витц, отданный родителями в безвозмездное пользование, когда они решили сменить авто. Парень капризный, требует много внимания и денег, но за три года я к нему как-то привыкла и расставаться не желала. Благо, у папы руки были на месте и он прекрасно справлялся с ремонтом машины, поэтому на СТО тратиться почти не приходилось. А сейчас передо мной встала дилемма: отправиться к родителям на общественном транспорте или все-таки поэксплуатировать Витька? Первый вариант был дешевле, но дольше в силу того, что мама с папой жили на другом конце города. Второй вариант быстрее – не факт, кстати, так как машина могла заглохнуть в любой момент, – но дороже из-за недешевого бензина. Но лень и привычка победили. Я плюхнулась за руль и завела Витька. Он сразу и бодро отозвался, что не могло не радовать. Еще бы поесть – и можно жить дальше. Желудок согласно отозвался некрасивыми трелями.

Мама меня уже ждала, так как я позвонила ей перед выходом из дома. Сегодня у нее как раз был выходной. Неужели, мне когда-то еще и везет? Давно такого не припомню. Желудок снова напомнил о себе, призывая прекратить рефлексировать и жать уже на газ. Спорить не стала, послушно вырвав на дорогу. Только бы не было пробок! И тут повезло. Ох, не к добру это! Спустя двадцать минут я уже звонила в родительскую дверь. Желудок не напоминал, а просто требовал его накормить, зло и беспощадно. К счастью, мама открыла сразу. Может, мне и работу повезет сегодня найти? Так, стоп, эту тему на время надо забыть, а то обязательно проболтаюсь.

– Слушай, у тебя же позавчера вроде выходной был, – мама посмотрела на меня, нахмурившись. Да, чутье у нее на проблемы похлеще моего.

– Да с Нинкой поменялись. Ей надо куда-то послезавтра, поэтому вышла сегодня, – врать я жутко не любила, потому что у меня на лбу в этот момент появлялась надпись «ОНА ВРЕТ!» И чтобы мама ее не заметила, я сделала вид, что никак не могу снять второй сапог, и тут же сменила тему:

– Папа на работе?

– Нет, взял три дня. Поехала с дядей Славой на рыбалку.

Да, папа у меня заядлый рыбак. И ему не было никакого дела до времени года. Рыбачил он в любую погоду.

– А что у вас есть вкусенького? – крикнула я из ванной, намыливая руки.

– Борщ. Да ватрушек напекла. Будешь?

Буду ли я? Я буду все! Хотелось спросить: «А еще чего-нибудь нет?» Настолько сильно я хотела есть.

– А ты чего такая голодная? – удивилась мама, наблюдая, с какой скоростью мелькает ложка в моей руке. – Денег, что ли, нет? Холодильник пустой?

– Да нет, есть, – ответила, не успев прожевать. – Просто вчера соседи опять залили. Даже плиту. Поэтому даже кофе не смогла сварить. Холодильник, кстати, тоже, видимо, отправится на мусорку.

– Ничего себе! – всплеснула мама руками. – Да сколько же можно? Может, тебе квартиру сменить? Или вернулась бы к нам с отцом?

О, нет, только не это! Видеть маму раз или два в неделю – это еще ничего, но жить с ней под одной крышей – увольте! Она же не помнит, что ее дочери не четыре, а двадцать четыре, поэтому будут бесконечные:

«Ты поела?»

«Надень шапку!»

«Почему так поздно не спишь?»

«Где так поздно была?»

«Не ешь этот доширак, вредно!»

«Сними эту кофту, на лучше вот эту!»

И так далее до бесконечности.

Я потому и съехала от родителей, предпочитая ползарплаты отдавать за квартиру, чем ежедневно выслушивать нотации и находиться под неустанным контролем.

– Не, мам, пока нормально все. К тому же я до Нового года заплатила за квартиру. Если съеду, деньги мне не вернут.

– А жить без холодильника и плиты будешь? – мама свела брови вместе.

– Тамара Петровна сказала, что завтра купит новый. А плиту надо просто высушить.

– Смотри, пожар не устрой.

– Мама, мне двадцать четыре года, если ты не забыла.

– Да помню, помню, – улыбаясь, проворчала мама. – Чаю налить?

– Ага, – кивнула я с полным ртом.

Пока мама доставала чашки и разливала чай, мне вспомнился утренний звонок.

– Мам, слушай, а ты не знаешь никакую Зинаиду Тимофеевну?

– Кого? – оглянулась она на меня удивленно.

– Зинаиду Тимофеевну, – повторила, отодвигая от себя пустую тарелку и кровожадно присматриваясь к горке румяных ватрушек.

– Нет, не припомню, – нахмурилась мама, напрягая память. – А что?

– Да позвонил мне сегодня нотариус. Говорит, какая-то Зинаида Тимофеевна оставила мне наследство.

Мама так и замерла с чашками в руках посреди кухни.

– Зинаида Тимофеевна? – повторила она вопрос недоверчиво.

– Ну да, – кивнула я. – Зинаида Тимофеевна Воронина. Может, родственница наша какая дальняя? Из Америки, например. И оставила мне виллу в Майями и миллион баксов на счету.

Да, фантазия у меня всегда была очень живая и бурная.

Мама тяжело опустилась на стул и аккуратно поставила чашки на стол, чтобы не расплескать чай.

– Есть такая родственница у нас, – как-то глухо произнесла она. Я даже притихла, чувствуя, что сейчас меня посветят в семейную тайну. – Твоя прабабушка.

– Кто? – ватрушка застряла в горле. – Какая прабабушка?

Я знала только бабушку Веру – мамину маму и бабушку Наташу по отцовской линии, которая умерла в прошлом году. А о том, что есть еще и прабабушка, даже не подозревала.

– Прабабушка твоя, – мама развернулась к столу и взяла одну ватрушку. – Бабушка твоего отца.

– Почему я ничего о ней не знала? – есть расхотелось.

– Потому что у нас в семье было запрещено о ней говорить, – ответила мама неохотно. – Колдовством она занималась.

– Чем? – у меня глаза на лоб полезли.

– Колдовством. Живет где-то в деревне. По крайней мере, раньше жила. Когда родился твой дед, то твой прадед забрал его и переехал в город. Не знаю всех подробностей, но они сильно поругались. И твой прадед не разрешал бабушке видеться с сыном.

– А сколько ей лет?

– Не знаю. Думаю, лет восемьдесят или девяносто, – пожала мама плечами и откусила ватрушку.

– Вот это да! – выдохнула я. – А почему же она мне оставила наследство? Слушай, а получается, она умерла.

– Получается, – печально кивнула мама. – Пусть земля ей будет пухом.

- Интересно, что она мне завещала?
- Не знаю. Может, дом. Кто его знает, что у нее было.
- А она была злой колдуньей? – с интересом спросила я. – Привороты там, зелья варила?
- Ничего не знаю. Отец твой как-то вскользь рассказал. А подробностей не знаю.
- Надо будет сходить к нотариусу, – твердо решила я.
- Может, не надо? – мама подняла на меня глаза.
- Ну спросить-то я могу?
- Можешь, – вздохнула она. – Ты ешь, ешь. Худая вон какая.
- Ничего я не худая, – надулась я. – Все на месте.

Разговор плавно перешел на бытовые темы, а уже через два часа я снова сидела за рулем Витька. Стоя на очередном светофоре, посмотрела на часы. Почти пять. Нотариус сказал, что контора работает до шести. Успеваю! Свернув за светофором во дворы, направила машину обратно и вскоре перешагивала порог светлой и чистой приемной, где уже сидели двое: худенький паренек лет двадцати и сухонькая бедно одетая старушка. Я пристроилась на свободном стуле в ожидании своей очереди. Ждать пришлось долго. Старушка все никак не выходила. То и дело из-за двери слышались приглушенные голоса, иногда тон повышался, а потом снова наступала тишина. Паренек же ушел давно и какой-то расстроенный. От нечего делать я разглядывала цветы на металлической кованной подставке. Было видно, что ими особо никто не занимался. Так, поливал иногда, если вспоминал. Спатифиллум уже пора было пересадить. Да и опрыскивать водой не мешало бы. Вон края листьев коричневые. Сухо ему здесь. Да и калатея начала подсыхать. Интересно, кто им выбирал эти цветы? Это ж просто издевательство над растениями. Я встала и подошла к цветам. Да, земля в горшках превратилась в камень. Никто их не рыхлил, не подкармливал и не пересаживал уже давненько.

- Спасибо, – раздался за спиной дрожащий старушечий голос.
- Следующий, – громко крикнули из кабинета.

Бросив последний взгляд на цветы, я пропустила бабушку и отправилась узнавать про внезапно свалившееся на меня наследство. Оказалось, что прабабка оставила мне дом в деревне Старопяткино. Да-да, я не ослышалась! Даже дважды переспросила. Все верно: деревня Старопяткино, улица Полевая, дом шестнадцать. На вопрос, где это находится, нотариус только сообщил, что в Тамбовской области. Ну хот это радовало – ехать недалеко. Осталось только выяснить, куда. Надеюсь, Гугл и это знает.

Когда я вышла на улицу, было уже темно. Город зажигал огни, примеряя на себя вечерние наряды. Домой добралась быстро. Накормив голодных Тимку и Кешу, полив цветы, коими у меня была заставлена вся квартира, вооружилась ноутбуком и забралась с ногами на диван. Попытки отыскать Старопяткино успехом не увенчались. Но ведь деревня-то существовала! Разве что была настолько глухой, что о ней никто не слышал? Впрочем, жить я там все равно не собиралась. Хотелось просто посмотреть, что мне бабуля оставила. Глядишь, домик можно будет неплохо продать. Я бы тогда Витька поменяла. Жалко его, конечно, привыкла я к нему, но уж больно хлопотно с ним стало. Чай, немолодой уже. Двенадцать лет парню стукнуло в этом году. Размечталась! Как будто там хоромы трехэтажные. Поди сарайчик да халупка без фундамента. Что еще может быть у девятилетней бабки, которую родной муж с сыном бросили? От чего-то жалко ее стало. Представила, как она жила все эти годы в деревне. Ни отопления, ни водопровода. Один только плюс – воздух свежий. Потому и дожила, наверное, до таких преклонных лет. Если только младенцев на обед не ела, забирая у них силу. Меня перевернуло от такой мысли и стало смешно. Ну и фантазия!

Коты мирно сопели, грея мне бока, когда я вспомнила, что тратить наследство еще рано и неплохо было бы поискать работу. Прошел час, второй, а ничего путного не попадалось. Правда, я все-таки выписала несколько номеров телефонов, собираясь на следующий день позвонить. Как говорится, на безрыбье и рак за мамонта сойдет! Однако, как назло, телефоны

либо не отвечали, либо место уже было занято. Промучившись так несколько дней, я разослала резюме в те фирмы, адреса которых смогла найти в интернете, а потом, мучаясь ночью от бессонницы, решила съездить в это Старопяткино и взглянуть на бабулин домик. Делать-то все равно нечего. Да и как будто потянуло меня туда. Вот надо ехать – и хоть ты тресни. Наутро в ближайшем книжном купила подробную карту нашей области. И о, чудо, Старопяткино там было! Всего-то каких-то два-три часа езды. Я сомневалась, что в такую глушь ходили автобусы или поезда, поэтому решила рискнуть и поехать на машине. На уговоры и угрозы мамы не поддавалась. Папа еще раз проверил Витька, заправил его и дал «добро», хотя идеи моей тоже не разделял. И ранним субботним утром я выехала в путь, хотя было какое-то нехорошее предчувствие, но меня тянуло туда, в эту глушь, поэтому интуиции пришлось заткнуться, предательнице мелкой. Знала бы, что меня ждало в этом Старопяткино!.. Деревне больше подходило другое название – Старопопкино, потому как оно как нельзя лучше отражало то, что там происходило. Но вперед забегать не буду. Все по порядку!

Дорога бежала под колесами Витька легко и быстро. За окном мелькали запорошенные снегом деревья, печные трубы вдали, заснеженные поля и мелкие речушки. Приглушенно болтало радио, изредка прерываясь на рекламу и музыку. Над горизонтом слева вставало солнце. Красота! Настроение медленно, но верно поднималось вверх. Я время от времени останавливалась и сверялась с картой. Вроде ехала правильно и с пути не сбилась ни разу. Спустя часа полтора пришлось свернуть с главной трассы на проселочную дорогу. Ездили по ней нечасто. Хорошо, что в последние дни не было снегопада. А то б забурился мой Витек и куковали бы мы с ним до весны, ибо в такой глуши глупо было надеяться на случайного прохожего.

Медленным сапом я пробиралась по чьим-то следам, снова и снова проклиная свое дурацкое любопытство. Идея посмотреть прабабкин дом уже не казалась мне такой хорошей, но отступать было поздно. До Старопяткино оставалось, если верить указателю, три километра. Потерпим!

Справа и слева, насколько хватало глаз, лежал снег. Только на горизонте виднелись верхушки деревьев. Пытаясь разглядеть, не моя ли там деревня, я пропустила момент, когда на дороге появилась фигура. Человеческая. И даже больше – женская. И как я раньше ее не замечала? И откуда она тут взялась? Наверняка идет в Старопяткино. Надо бы подвезти. Заодно узнать, как тут да что.

Я притормозила Витька рядом с женщиной. Она тут же повернулась ко мне и подозрительно уставилась. На вид ей было чуть за тридцать. Одета в старенькую дубленку и валенки. На голове вязанная шапка, а в руках толстые такие рукавицы. В сильный мороз само то. Но сегодня-то всего минус восемь. Впрочем, может, у них в деревне и нет других. Кто их знает?

– Здравствуйте! – улыбнулась я. – Вы в Старопяткино идете?

– Да, туда, – кивнула женщина, продолжая разглядывать меня с подозрением.

– Вас подвезти? Я туда же еду.

Она ответила не сразу. Окинула взглядом Витька, посмотрела туда, откуда я приехала, и только после этого согласилась.

– А вы тут живете? – решила я познакомиться.

– Да, недавно, – кивнула женщина.

– А как вас зовут? Меня Алена, – я бросила на случайную попутчицу быстрый взгляд и улыбнулась.

– Альбина я.

– А не знали такую Зинаиду Тимофеевну?

Впереди показались деревья, а за ними дымок из труб. До деревни было рукой подать.

– Зинаиду Тимофеевну? – переспросила женщина.

– Да, Воронину, – откликнулась я живо, внимательно следя за дорогой. Чем ближе были дома, тем лучше она становилась.

– Да, знала, – ответила Альбина как-то странно. Я посмотрела на нее. Женщина выглядела печальной. – Она умерла рядом с моим домом.

– Как это? – опешила я.

– Совсем слаба, наверное, стала. Сердце и остановилось.

Мне стало не по себе. Умереть на улице... Не дома и даже не в больнице... Ужасно!

– А как она жила? – спросила я, помолчав. До первых домов оставалось несколько сотен метров. – Чем занималась?

– Да как все, наверное, жила. Не знаю. Я же говорю, недавно тут.

Ах да, вспомнила!

– А вы откуда? Из города? – решила я познакомиться с Альбиной поближе.

– Да. Из Рассказово.

– Никогда там не была.

Женщина не ответила. Мы медленно въехали в деревню. По обе стороны от дороги тянулись дома, на первый взгляд, весьма добротные, с аккуратными, хоть и не новыми заборчиками. Возле некоторых росли деревья и стояли покосившиеся деревянные скамейки, заваленные снегом. Из труб уютно вился дымок. Красота, да и только! Пожить бы тут недельку, воздухом подышать, по лесу побродить. Вон за последними домами какие сосны высятся! На лыжах бы пробежаться. Глядишь, белку встретишь или зайца. Эх, опять раз мечталась. Я улыбнулась своим мыслям.

– А вы, Алена, зачем приехали?

– Да дом прабабушкин посмотреть хотела. Завещала она мне его. Не знаете, где здесь дом Зинаиды Тимофеевны?

– Нет, не знаю. Я тут вообще мало с кем знакома. Высадите меня здесь. Мне тут недалеко.

Я мягко остановила Витька и, попрощавшись с Альбиной, поехала искать Полевуя шестнадцать. Проехав пару десятков метров, бросила взгляд в зеркало. Женщина все еще стояла на дороге, глядя мне вслед, вот только не молода она была совсем. Старуха. Иссохшая и сторбленная. От страха я нажала на тормоз, тряхнула головой и снова посмотрела в зеркало. Альбина как Альбина. Ничего примечательного. Померещилось, наверное. Выдохнув и передернув плечами, сбрасывая наваждение, медленно нажала на газ.

Деревня была небольшой. Всего-то шесть улиц, но и по ним пришлось поплутать. Странное дело, но несмотря на время, близкое к обеду, на улице не встретилось ни одного человека. Ни детей, ни взрослых, ни пожилых людей. Впрочем, может, тут всегда так. Откуда мне, городскому жителю, знать о том, когда тут выходят на улицу? Может, до самого лета по домам сидят. Хотя вспоминалось детство в деревне у бабы Наташи. Зима и мороз никогда не были причиной отсиживаться у печки. Уж кто-кто, а дети всегда рады покататься с горки, поваляться в снегу и поиграть в снежки. Но это когда было! С тех пор все могло измениться.

Вторая странность, которую я заметила, так это то, что возле некоторых домов не были расчищены дорожки, да и трубы их молчали, словно там никто не жил. Закрытые наглухо ставни наводили на ту же мысль. Да, вымирает все-таки русская деревня. Скоро города все заполонят. Засмотревшись по сторонам, чуть не сбила рыжую лохматую собаку, но ей удалось успешно проскочить и обляять меня вслед. Живность водится, значит, все нормально. Живут тут люди.

Поплутав с полчаса, остановила Витька и вышла из машины. В короткие угги с меховой опушкой тут же насыпало снегу. Я чертыхнулась, топая ногами. Вот, теперь еще и ноги намокнут. Осталось только заболеть. С моим-то везением – легко.

Оставив сапоги в покое, огляделась. Улицу Полевуя-то я нашла, а вот где шестнадцатый дом никак не могла понять. Вот восемнадцатый, вон двадцатый. Прошла назад. Четырнадцатый.

– Да что за идиотизм! – захотелось от злости топнуть ногой. – Может, ошибка какая? И не в шестнадцатом эта Зинаида жила.

В окно восемнадцатого дома выглянула женщина и с подозрением на меня уставилась. Ну да, чужаков нигде не любят. Залаяла за забором собака. Судя по звонкому голосу, небольшая. Я подошла к калитке и попыталась заглянуть через забор. Не тут-то было. Для меня он был высоковат, но услышала, как за ним хлопнула дверь, а после раздались шаги и хруст снега. Звякнул засов и ко мне вышла полная женщина средних лет.

– Вы кого-то ищите? – спросила она, запахивая изрядно поношенный пуховик.

– Здравствуйте! Да. Мне нужен шестнадцатый дом. Ищу-ищу, а его нет. То ли ошибка, – я снова заозиралась по сторонам – вдруг просто не заметила.

– Шестнадцатый? – тут же нахмурилась местная жительница. – Вы к бабке Зине, что ли? Так померла она летом.

– Знаю, – кивнула. – Правнучка я ее.

– Правнучка? – женщина окинула меня недоверчивым взглядом. – Никогда не слышала.

– Да я и сама об этом узнала только недавно. Мне бы дом ее найти.

– А зачем? – снова насторожилась незнакомка.

– Завещала она мне его. Вот хочу посмотреть.

Меня одарили еще одним, но уже оценивающим взглядом, но ответить соизволили:

– Это вам надо объехать вон там, – она махнула в ту сторону, откуда я приехала. – Шестнадцатый дом сзади тринадцатого.

Это как? Четный номер сзади нечетного? Видимо, поняв мое удивление, женщина рассмеялась:

– Ага, у нас так. Легко можно заблудиться.

И шагнула обратно во двор, закрыв за собой калитку.

Ни «до свидания» тебе, ни «всегда пожалуйста». Ну и на том спасибо.

Вздыхнув, снова села за руль. С горем пополам развернула Витька на узкой улочке и поехала искать объезд. Свернула в один переулок – тупик, в другой – уперлась в забор двадцать третьего дома. Чертыхаясь, сдала назад и поехала дальше. Бросила взгляд на приборную панель. Так я весь бензин тут истрачу, пока этот дом найду, будь он неладен. Обратного придется пешком идти. Но с третьим переулком мне повезло. Ни тупиков, ни заборов. И вскоре шестнадцатый дом нашелся, чтобы в конец меня разочаровать и добить. Он почти врос в землю. Крыша была покрыта даже не шифером, а какими-то темными листьями, которые местами порвались и загнулись. На окне, что выходило на дорогу, висела только одна ставня. И ради этого я пилила в такую даль и моталась тут по этим лабиринтам? Из машины даже выходить не хотелось. За такое... кхм, сооружение много не возьмешь. Ну вот, Витек, твоя продажа отменяется. Мы еще долго будем вместе и, видимо, умрем в один день.

Нет, зря я, что ли, вставала в такую рань и тащила сюда? Надо хоть посмотреть, что там внутри. Витек остался у калитки. Кстати, очень даже добротной и крепкой. Правда, пробираться к ней пришлось по колено в снегу. Так что к скорой простуде я уже была морально готова. Кое-как открыв ворота, остановилась, уныло глядя на дорожку. Точнее на то, под чем она скрывалась. Снег, снег и снова снег. Оглянулась на Витька.

– А, может, ну его? Не продашь такой все равно. Зачем ноги отмораживать? – мелькнула в голове вполне, по-моему, здравая мысль. Но любопытство, будь оно неладно! Эх, угги, вы мои угги! Надо было ботфорты надевать или валенки, хотя ни того ни другого не носила. Ну чего стоять раздумывать? Снег до весны все равно не растает. Вперед!

Попотеть пришлось изрядно. Причем в прямом смысле. У крыльца я остановилась и отдышалась. Осмотрелась. Ступени вроде сносные. Не провалишься. Перила крепкие. Козырек тоже, кажется, обрушиться не собирался. Я осторожно наступила на первую ступеньку, медленно перенесла на ногу весь свой вес, постояла. Ничего страшного не произошло, но дальше

поднималась все равно не спеша. На двери висел большой такой замок. Амбарный называется. Хорошо, что бабуля оказалась прозорливой и к завещанию приложила ключ.

Замок поддался сразу. Я осторожно толкнула деревянную дверь и она со скрипом отворилась. Жуть! Как в фильме ужасов.

– Так, Алена, кончай выдумывать! – мысленно рывкнула я на себя. – Дверь как дверь. Что ты хочешь от этого дома? Ему, судя по виду, лет сто. Не завалился до сих пор и слава Богу!

И все же порог перешагивала с опаской. Дверь закрывать не стала. Мало ли. Коридорчик был небольшой, чистенький. Травы пучками висели на стенах. Справа была еще одна дверь. Медленно отворила ее. Там было что-то вроде кладовки: стояли ведра, веник, метла в уголке. Я хмыкнула. Ну да, какая ж колдунья-то без метлы? Но это ж только в сказках. Осторожно закрыла дверь. За следующей обнаружилась просторная кухня. Печка, умывальник с ведром, деревянный стол с лавками и старый массивный шкаф с посудой. В углу примостился еще советский холодильник. Сейчас он был отключен, но, видимо, еще мог работать.

Помимо кухни в доме было еще две комнаты. Одна служила залом – там стоял телевизор, диван и тяжелый комод, накрытый вязанной салфеткой. А на ней были расставлены фигурки котят, девочки и цыпленка. В углу под потолком висела большая икона в раме. Вот тебе и колдунья! Разве они верят в Бога?

Осмотрев зал, прошла в следующую комнату. Это была спальня. Узкая кровать стояла у стены. Две подушки, сложенные друг на друга, накрывала тонкая ажурная ткань. На полу самодельный коврик. Кресло-качалка рядом. Большой старый шкаф, швейная машинка, которая, наверное, была старше меня, тонкий ковер на стене. И так уютно мне здесь показалось, что даже уходить не хотелось, а хотелось прилечь на кровать, свернуться калачиком как в детстве и спать.

Я вернулась на кухню и выглянула в окно. Огород был небольшим. Из-под снега виднелась маленькая теплица, то тут, то там торчали колышки. Слева росло несколько деревьев. Наверное, фруктовые. А справа – кусты смородины и заросли малины. Хорошо здесь летом. Овощи свои, яблоки, ягода. За покосившимся забором начинался лес. Сосны росли вперемешку с березами. За грибами можно ходить.

– Может, оставить как дачу? – подумала я, осматривая кухню и тут же сама себе ответила:

– За дачей смотреть надо. Жить тут постоянно, а то обнесут и «спасибо» не скажут.

Вздыхнув, я еще раз прошла по дому. Ничего, кроме травы в коридоре, не говорило о том, что моя прабабка занималась колдовством. Не так я себе ведьм представляла. Где черепа, пентаграммы, черные свечи, кровь животных? Все чисто, уютно, светло. Может, она давно с этим завязала? Одумалась? Вон и икону повесила – грехи замаливать.

Выйдя на крыльцо, я глубоко вздохнула. Воздух-то какой чистый, вкусный. В городе такого нет. Бросив взгляд в сторону, заметила еще одно строение. Наверное, баня с летней кухней. Оценила глубину сугробов и длину пути. Нет, не пойду. Того, что увидела, вполне достаточно. Продам кому-нибудь хоть ради участка. Построит тут хороший дом да будет жить. С этими мыслями я закрыла дверь на ключ и вернулась к машине. Еще раз с тоской окинув свое наследство, села за руль и отправилась обратно домой. До самого выезда из деревни меня не покидало ощущение чужого взгляда в спину. Несколько раз смотрела в зеркало, даже останавливалась – никого. Что-то впечатлительная я стала в последнее время. Нервы, наверное, шалят. Пустырничку надо попить.

Глава 2

Первые пару километров Витек бежал бодро. Из динамиков «Виагра» жаловалась маме, что полюбила монстра. Все еще ярко светило солнце, хотя день уже близился к вечеру. Тоска по оставленному дому начала проходить и я предвкушала горячий ужин и вечер в объятиях родных котов. Пора завязывать с мечтами! Потому что мне кажется, что наверху кто-то сидит, слушает их и специально, чисто из вредности и с удовольствием, разрушает их вдребезги. Иначе объяснить то, что произошло потом, я не могла.

Витек заглох. Просто взял и остановился. Светило солнце, отражаясь бликами от снега, пела «Виагра», а Витек стоял. Попробовала снова его завести. Ни черта у меня не вышло. Попыталась снова – реакции никакой. Вспомнив, что Бог любит троицу, снова повернула ключ в замке зажигания. Тишина. Витек стоит. Я сижу. И даже мыслей в голове никаких. Просто столбняк какой-то напал. Я одна, неизвестно где, в глуши и даже не на оживленной трассе. Да здесь, если раз в неделю кто-то проезжает, и то хорошо. А за неделю я тут окочурюсь.

– Витек, миленький, родненький, ну давай, заводись, прошу тебя, – умоляла я машину. – Я не буду тебя продавать, обещаю. Со мной останешься. Заботиться о тебе буду. Чехлы новые куплю, колеса. Все, что хочешь. Заводись, пожалуйста!

Со стороны я выглядела по-идиотски, знаю, но мне было плевать, потому что стало страшно. Близилась ночь, а помощи ждать неоткуда. Можно было бы, конечно, родителям позвонить, но они сегодня собрались на юбилей к папиному начальнику, да еще и не в ресторан, а на дачу за город. И, насколько я помнила, банкет уже начался, а это означало, что папа выпил и за руль уже не сядет. Попала, так попала!

Я вышла из машины и на всякий случай обошла ее. Все как обычно! Ничего нового не добавилось, а старое не отвалилось. Заглянула под капот. Зачем, сама не знаю. Как будто я там что-то понимаю. Закрыла, огляделась. Ниинии души. Только дымок из труб вдали идет. Что ж, деваться некуда. Надо возвращаться в деревню. Пешком. Оценила расстояние. Посмотрела на Витька, всем своим видом давая понять, что я о нем думаю, и пошла. Сначала бодро, потом медленнее. Все-таки деревенские дороги – это вам не городской асфальт. И когда до первого дома оставалось несколько метров, меня можно было просто выжимать.

Отдышавшись, я постучала в ворота. Тишина. Снова постучала. Даже собака не залаяла. Посмотрела на крышу. Дым идет, значит, здесь живут люди. Но не открывают. Вышла на дорогу и потопала к дому напротив. Реакция такая же – никакой. Вымерли они тут, что ли? Наплевав на сугробы и промокшие угги, подошла к следующей калитке. Стучала долго, решив все-таки не сдаваться. Может, из чистого любопытства выйдут посмотреть, кто тут полчаса пытается выломать их ворота? Помогло. С крыльца спустился дед, древний, как Китайская стена. В растянутых спортивных штанах, галошах на босу ногу и старой залатанной фуфайке на голое дряблое тело.

– Здравствуйтесь! – вежливо крикнула я. – Мне помощь нужна. Не знаете, к кому обратиться?

– А в чем помощь-то? – недовольно спросил он. – Чего случилось?

– Да у меня машина тут заглохла рядом с деревней. Не знаете, кто мог бы помочь?

Дед крепко задумался. Я уже даже решила, что он про меня забыл. Мало ли, лет-то ему было прилично.

– Это тебе к Федору надо, – вдруг отмер он.

– А это где? – обрадовалась я, что не придется ночевать в машине.

– Дойдешь до угла, – махнул дед левой рукой, – повернешь направо. Третий дом. Увидишь, там трактор стоит. Туда иди.

– А Федор этот, он кто? Автомастер?

– Тракторист он. Иди к нему, – махнул дед, молча развернулся и потопал обратно в дом.

Радость моя поубавилась. Чем мне может помочь тракторист? Хотя они, вроде, в технике должны разбираться. Выхода-то другого все равно не было. Пошла искать дом этого Федора. К счастью, нашелся он быстро. Примета у него была важная. Трактор. Разобранный. И довольно давно, если из-под снега почти был не виден. Радость исчезла почти совсем, но раз уж пришла...

Стучать не пришлось. Огромный мужик в куртке на голое тело чистил снег во дворе.

– Здравствуйте, – заглянула я через забор. Мужик недобро оглянулся. – Вы Федор?

– А ты кто?

– Я Алена, – растерялась я, от чего улыбка моя вышла кривой и неестественной. – Меня к вам прислали.

– Кто? – выпрямился мужик, держа лопату обеими руками, скорее, ручищами. Такой и приласкает – уже не встанешь.

– Дедушка. В начале деревни живет. Сказал, что вы можете мне помочь.

– Чем? – Федор, а я была уверена, что это был именно он, ни капли не смягчился.

– У меня машина заглохла рядом с деревней. Дедушка сказал, вы сможете помочь.

Мужик хмыкнул.

– Могу только отбуксировать ее до деревни. Ремонт не занимаюсь.

Я сникла окончательно.

– А кто-нибудь здесь занимается ремонтом машин? – спросила в надежде.

Федор задумался. На его лице отразилась тяжелая работа мысли.

– Костян умел. Но они переехали в город. Больше никого не знаю.

Убил так убил.

– И что же мне делать?

– А я откуда знаю? – пожал он плечами и вернулся к уборке снега.

Взвесив все «за» и «против», решила, что переночевать в деревне лучше, чем посреди дороги. А утром можно будет позвонить папе.

– Хорошо. Вы отбуксируете машину в деревню?

Он снова выпрямился.

– А чего ж не отбуксировать? Большая машина-то?

– Витц.

– Тю. Маленькая. Щас, погоди.

Федор скрылся за домом, чтобы вскоре вернуться без лопаты. Тяжело поднялся на низкое крыльцо, рванул на себя дверь так, что она едва с петель не слетела, и вошел в дом. А я начинала подмерзать. Было уже не так жарко, как во время марш-броска. И разгоряченное тело начало медленно остывать. Я передернула плечами и накинула капюшон. Зря шапку не ношу. Сейчас она бы мне очень пригодилась.

Ждать пришлось недолго. Мужик вернулся, уже основательно одетый, выгнал из гаража потрепанный Уазик и почти пинком открыл для меня дверь. А чтобы ее закрыть, мне пришлось несколько раз так ей шархануть, что я испугалась, как бы такой раритет не развалился.

– Не бойсь, – по-доброму рассмеялся Федор. – Он старый, но зверь-машина. Не то, что современные, разваливаются на ходу.

Я промолчала.

– А ты тут чего? Приехала к кому? Или туристка?

– Да приезжала на дом прабабкин посмотреть.

– Прабабкин? – нахмурился мужик, поворачивая к выезду из деревни. Машина так подпрыгивала на каждой кочке, что мне казалось, еще чуть-чуть и из моих внутренностей будет коктейль. – А кто твоя прабабка?

– Зинаида Тимофеевна Воронина.

– Зинаида Тимофеевна? – нахмурился он, видимо, вспоминая, о ком идет речь. – А!

Бабка Зина, что ли?

– Да, она.

– Никогда не слышал, что у нее есть внучка.

– Правнучка, – поправила я Федора. – Я и сама не знала.

– Хорошая была бабка Зина, – в голосе мужика послышалось неподдельное тепло.

– Она вроде колдовством занималась, – решила я осторожно расспросить Федора о том, чем жила бабуля.

– Кто? Бабка Зина? – удивился он. – Да не. Каким колдовством? Ну так, травками лечила. Заговорами какими-то. Но зло никому не делала. Не, не было такого. К ней лечиться ходили. Сильная была бабка Зина. Нет теперь уже таких. Одни шарлатаны остались.

У меня как от сердца отлегло. Значит, не колдунья она была, а знахарка. Теперь понятно, зачем ей нужна была икона.

– А с домом что будешь делать? – спросил Федор, выезжая из деревни. – Жить?

– Да продать хотела. А там и продавать нечего.

– Это почему? – удивился он.

– Так старый он. Почти развалился. Крышу перекрывать надо. Разве что из-за земли продать.

Федор как-то странно на меня посмотрел, но промолчал. Мало ли, может, счел, что я зажалась и по его меркам прабабкин дом – это хоромы. Уточнять не стала. У меня свое мнение есть и глаза. И мне есть с чем сравнивать. Да дом того же Федора в разы лучше.

– Твоя стоит? – кивнул он вперед.

– Моя, – вздохнула я.

– А чего заглохла-то? Бензин закончился?

– Да нет, бензин есть. Не знаю, что с ней. Она же старая у меня. А продать жалко, да и за сколько продашь? Новую за такие деньги не купишь. Хотела продать бабушкин дом да новую купить, но за такой дом много не дадут.

И снова Федор одарил меня странным взглядом. Мне даже не по себе стало, поэтому решила больше эту тему не трогать.

Когда мы вернулись в деревню, темнело.

– Уже темно. Ничего не видно, – произнес мой спаситель, задумчиво разглядывая Витька. – Завтра попробую посмотреть. Может, разберусь.

– О, это было бы просто прекрасно, – обрадовалась я.

– Ну давай. До завтра.

Он окинул бабушкин дом внимательным взглядом, пожал плечами и, закинув трос в машину, уехал. А я только сейчас поняла, что ночевать предстоит в чужом доме без еды, воды и тепла. Посмотрела на Витька. Нет, спать в нем не вариант. Эх, надо было у Федора спросить, есть ли здесь магазин. Мне, по крайней мере, на глаза не попался. Может, на другой какой улице? Повела взглядом по деревне. Нет, бродить тут ночью не стоит. Помнится, в бардачке была пачка печенья. Я как-то покупала ее да забыла достать. Сейчас она была бы кстати. И точно! Даже срок годности еще не вышел. До утра можно протянуть.

Радость моя была недолгой. Ровно до того момента, как я вошла в дом. Свет, слава Богу, был. А вот с теплом... беда. Печку-то я топить не умела. Хотя не раз видела, как это делала баба Наташа. Но то ж сколько лет назад было! Да и видеть одно, а самой делать – другое. Ну деваться-то все равно некуда. Либо к утру превратиться в ледяную статую, либо попробовать и согреться. Дрова нашлись в небольшой нише за домом. Даже уголь был, хоть и немного – не успела бабушка запастись на зиму. Бумага в виде аккуратной стопки газет обнаружилась в кладовке на полке, спички – на кухне в шкафу. Что ж! Глаза бояться – руки делают. Поте-

рев ладони друг об друга, я приступила к таинству под названием «растопка печи». Включив логику и воспоминания из детства, сложила дрова вперемешку с измятыми газетами, чиркнула спичкой и, затаив дыхание, наблюдала, как по газетам весело побежал огонек, быстро превращаясь в настоящее пламя. Ну-с, подождем, что будет дальше. Я закрыла дверцу и, отряхнув руки, поднялась с пола. За спиной кто-то хмыкнул. Испуганно оглянулась – никого. Показалось, наверное. Да и дрова в печке трещали. А уж желудок пееел. Сейчас бы чайку горячего, но, как назло, заварки у бабушки не нашлось, а брать травы я не рискнула. Кто их знает, от чего они? Потом галлюцинации замучают. И так вон мерещится не пойми что. Воды, кстати, в доме тоже не было. А где ее брать, я не имела ни малейшего понятия. Придется грызть печенье всухомятку. Не снег же растапливать, в конце концов.

Дровишки весело трещали в печке. Я пару раз заглянула, проверить, не пора ли засыпать уголь. Решив, что время настало, подбросила сначала один неполный совок. Закрыла дверцу, подождала, снова заглянула. Вроде, горит. Подсыпала еще пару совочков и решила, что на этом хватит. Пока дом медленно наполнялся теплом, я грызла печенье, разделив пачку пополам. Остальное – наутро. А к обеду надеялась уже быть дома.

Телевизор у прабабки не работал. Книг не было. Чем заниматься? Решила почитать что-нибудь в Интернете. Облом – он тут не ловил. Делать нечего – пошла спать, сначала проверив печку и подсыпав еще пару совочков угля. До утра хватит. Спать решила в бабкиной комнате. Так как переодеться было не во что, то и раздеваться не стала. Кровать оказалась жесткой, а я так надеялась на мягкую перинку! Взбила подушку и устроилась поудобнее, если это вообще возможно на такой узкой кровати. Отправила маме сообщение, что ночую в деревне. Ответа не дождалась, а потом и вовсе уснула, чтобы проснуться от чьего-то дыхания рядом.

Я распахнула глаза, глядя в темноту. Фонари в деревне не водились, но благодаря снегу, можно было легко разглядеть предметы в комнате. Никого! Но я ясно слышала, как над ухом кто-то сопел. Приснилось? Возможно! Я снова закрыла глаза и тут же в страхе снова открыла. Никого. И тишина! Уснула нескоро, то и дело осматривая комнату, но усталость взяла свое. Правда, ненадолго. Теперь я проснулась от тяжелого вздоха. Да что же это такое! Испуганно подскочила на постели и заозиралась. Мне показалось, что за шкаф юркнула тень. Посветила туда телефоном. Никого. И снова тихо. Собралась уже было снова лечь, как за окном раздался вой, жуткий и леденящий кровь, а следом смех.

– Мама дорогая! – прошептала я в ужасе и попыталась хоть что-нибудь разглядеть через замороженное стекло. Рамы-то в доме были деревянные, вот и разукрасил мороз окна, как в старые добрые времена. Вой повторился, но уже тише. – Что это такое?

Я отбросила одеяло и на цыпочках подошла к окну. Приложила ладонь к стеклу – холодно, но лед немного подтаял. Наклонившись и сощуриив глаза, увидела, как там, где начинается лес, мелькнули два красных огонька.

– Господи, что это? – отшатнулась я от окна. Сердце колотилось как сумасшедшее, а тело от страха как онемело.

Где-то совсем рядом с домом раздался треск, словно ломали ветки. Я снова осторожно посмотрела в окно. Темно и ничего не видно. Зато за спиной услышала торопливый топот. Как будто кошка пробежала. Я резко оглянулась. В комнате, кроме меня, не было никого. Дверь закрыта. Если бы сюда как-то пробралось животное, за вечер оно бы себя выдало обязательно. Тогда что же это?

– Нет, к черту! Надо валить отсюда! – прошептала я, добежав до кровати и запрыгнув на нее как в детстве. Еще раз осмотрела комнату, пол – никого. – Утром пешком отсюда уйду, если машина не заведется, но ни дня тут не останусь.

До утра я уже, конечно, не уснула. Тряслась под одеялом не столько от холода – печка уже прогорела, а идти подсыпать уголь я не рискнула, сколько от страха. Но ни воя и шума за окном,

ни подозрительных звуков в доме больше не повторялось. И все равно эта ночь показалась мне вечностью, а когда за окном начало сереть, я все-таки уснула, не сумев с собой справиться.

Проснулась от того, что стучат зубы. С трудом разодрала глаза и увидела, что за окном уже день. Вспомнились события ночи – сон как рукой сняло. Я подскочила с постели, впопыхах запрыгнула в угги и, обняв себя за плечи, вприпрыжку побежала на кухню. Затопить печь? К черту, к черту, к черту! Ни секунды больше в этом доме не останусь. Даже полупустая пачка печенья на столе не возбудила моего аппетита. Накинув пуховик и, застегивая его уже на ходу, выскочила на крыльцо, чтобы тут же застыть истуканом с раскрытым ртом. Мои вчерашние следы не только засыпало снегом, но его за ночь навалило столько, что у Витька только крыша виднелась.

– Да твою ж мааать! – протянула я в сердцах. Никогда не любила выражаться, но тут сам случай требовал.

– Ничего, – тут же решила. – Сейчас откопаем. Поди лопата у бабки найдется.

Я рванула обратно в дом. В кладовке нашлась лопата. Не снеговая, к сожалению, обычная, но и такая сойдет. Вооружившись ей, снова вышла на улицу, решительно настроенная на борьбу со снежными завалами. Но пока расчистила дорожку до калитки, выдохлась. Нелегкая это работа – жить в деревне. Вытерев со лба пот, принялась откапывать Витька. Дело шло медленно и почти безуспешно. Снег был тяжелым и скоро руки почти отнимались, а лопата казалась неподъемной. Я все чаще и чаще останавливалась на передышку.

– Ого! Вот это завалило так завалило! – услышала веселый мужской голос за спиной. Резко оглянулась, собираясь отправить любопытного на экскурсию по эротическим местам без карты и навигатора, но почему-то не стала. Вместо этого снова вернулась к уборке снега, но пятой точкой чувствовала, что случайный прохожий не ушел. На вид ему было около тридцати. Толстым его назвать нельзя было, но и особой худобой он не отличался. Первое, что бросилось в глаза, – это открытое лицо и широкая, абсолютно беззлобная улыбка. Больше я ничего не разглядела, да и не очень-то интересно было. Моей первостепенной задачей сейчас было вырваться из этой чертовой деревни во что бы то ни стало!

– Помочь? – наконец, произнес парень.

Я оглянулась, опершись на лопату. Дыхание уже давно сбилось, поэтому прежде, чем ответить, я выдержала паузу, разглядывая незнакомца. На нем была болоньевая шапка с мехом внутри. Ее уши были подняты и завязаны сзади. Темно-синий горнолыжный костюм и такие же перчатки. И эта улыбка! Она, что, приклеена у него?

– А помоги, – ответила я вдруг. В конце концов, почему я сама должна делать мужскую работу? Опять же, сам ведь предложил, никто за язык не тянул.

Я вручила парню лопату и отошла к калитке, туда, где уже был расчищен небольшой пятачок.

– Меня Максим зовут, кстати, – представился он, не отвлекаясь от лопаты и снега.

– Алена, – произнесла хмуро, давая понять, что на заигрывания и подкаты реагировать не собираюсь.

– В гости приехала или туристка? – бросил Максим на меня веселый взгляд.

– В гости, – зачем-то соврала.

– Давно?

– Вчера.

– Ясно. Поэтому я тебя тут и не видел.

– А ты местный? – решила я уточнить, опять не знаю, зачем.

– Нет, по работе.

– И кем же ты работаешь? – хмыкнула, решив, что Максим соврал. По какой работе можно ездить в такую глушь? Вот в город – другое дело.

– Фотографом. Вот приехал снимать деревенскую природу да обычаи местные.

Стало стыдно за то, что я, пусть и мысленно, сочла его лгуном.

– Ясно, – ответила коротко.

– А ты уже уезжать собралась? – спросил Максим, когда была видна уже большая часть Витька.

– Да, нагостилась, – от воспоминаний о прошедшей ночи передернуло. Парень посмотрел на меня, нахмурившись.

– Ты чего? Поругалась с родственниками что ли? – он снова принялся откапывать машину.

– Да нет, нормально все.

Не рассказывать же первому встречному, что я сегодня видела и слышала. Еще решит, что у меня крыша поехала, но все-таки закинула удочки на предмет паранормальных явлений в деревне.

– А ты здесь давно?

– Да уже неделю.

– И как? Съемка успешная?

– Да вроде ничего, – пожал он плечами. – Природа здесь шикарная. Правда, хотел еще зверье какое снимать, но пока не встретил.

– А ночью сегодня ничего не слышал? Вроде как ураган, что ли, был, – чуть приврала я. Максим задумался.

– Да нет. Спал всю ночь.

– А здесь, что, гостиница есть?

Где-то же он остановился.

– Нет, нет никакой гостиницы.

– А живешь где? У родственников?

– Нет, у местного предпринимателя. Он, в общем-то, и заказал эту съемку, туристов привлечь.

– Ясно.

Когда Витек был откопан окончательно, Максим вернул мне лопату, но уходить не спешил, разглядывая с веселым прищуром.

– Спасибо, – смутилась я отчего-то.

– А можно я тебя сфотографирую? – спросил он неожиданно.

– Нет, не стоит, – вспомнила я, что сегодня даже не умывалась и не расчесывалась. Мама дорогая! Теперь понятно, почему ему так весело. А мне стало совсем не до веселья. Разозлилась я. – Мне ехать надо.

– Жаль, – вздохнул Максим.

Я развернулась к калитке, собираясь вернуть лопату в кладовку и тут же уехать, как вспомнила, что уезжать-то мне на чем.

– Черт!

– Что такое? – забеспокоился парень.

– Федор же обещал прийти, – вспомнила я, оглядывая улицу, не идет ли знакомая фигура.

Но насколько хватало глаза никого не было.

– Зачем? – удивился Максим.

– Да Витька посмотреть.

– Витька? – удивился он еще больше, даже брови нахмурил. – Сын твой?

– Да нет, – рассмеялась я. – Машина. Витц – Витек. Назвала я ее так.

– А, понятно, – улыбнулся Максим. – А Федор вряд ли придет.

– Почему?

– Пьяный он. Еще с вечера.

– Да елки-палки, – протянула я расстроено.

– Может, я посмотрю?

– А ты что-нибудь смыслишь в ремонте?

– Ну, попробую, – неуверенно ответил Максим.

И он попробовал. Долго пробовал. Я уже замерзать начала.

– Ну что? – спросила, наверное, в пятый раз.

– Не знаю. Вроде в порядке все. Не понимаю, почему твой Витек не заводится, – пожал Максим плечами растерянно.

Я так и думала. Перед девушкой просто решил покрасоваться.

– А автобусы тут ходят? – вздохнула тяжело, решив выбраться из деревни любым способом.

– Ходят, – живо кивнул Максим. – Но уже ушел.

– А следующий когда? – спросила я, надеясь, что хотя бы через полчаса или час.

– Вечером, – убил меня парень.

– Что? Как вечером? – опешила я.

– Ну автобус здесь ходит два раза в сутки. В восемь утра и в восемь вечера.

Я застонала от бессилья. Хотя оставался еще папа, но и тут мне продолжало не везти – телефон разрядился, а зарядка осталась дома. Я же не планировала тут ночевать. Хотела быстренько съездить, все осмотреть и вернуться. Съездила. Осмотрела. Осталось вернуться. Только как??? Нееет, сидеть в этом странном доме до вечера я не собиралась.

– А ты на чем сюда приехал?

– На автобусе, – снова добил меня Максим. Да что же это такое?!

– А не знаешь никого, кто мог бы отвезти меня в город?

– Знаю, – живо откликнулся он, возвращая мне надежду, и тут же нагло ее отбирая:

– Федор, но он...

– Пьяный, – закончила я, поникнув.

– Может, ты позвонишь кому и тебя заберут? – посоветовал Максим.

– Телефон сел, – показала я ему свой Самсунг с черным экраном.

– Так возьми мой, – он начал стягивать перчатки.

– Я не помню номера.

И, правда, мою память как отшибло. Раньше ведь наизусть знала телефоны родителей, а сейчас как будто их стерли. Представлю, как мама уже волнуется и выносит папе мозг, что пора вызывать МЧС. Черт, и коты не кормлены. Их было особенно жалко!

– Ну дела так дела. Придется тебе у родственников задержаться до вечера, – сочувственно произнес Максим.

– Придется, – вздохнула я, ни в какую не желая возвращаться в дом. – А магазин здесь есть?

– Есть, но там мало что можно купить. Водка, пиво, хлеб не всегда. Много просрочки.

– Ну консервы хоть есть? – нахмурилась я.

– Тебя, что, родственники не кормят? – рассмеялся парень.

– Кормят – буркнула я. – Покажешь, где магазин?

– Покажу, конечно, – широко улыбнулся Максим.

Идти пришлось на другой конец деревни, которую я уже начинала тихо ненавидеть. Дороги были не чищены и каждый шаг превращался в борьбу. К концу пути я готова была упасть в сугроб и никогда не подниматься – настолько устала. Пока шли, узнала, что детей не видно, потому что их почти нет. Так, парочка от силы наберется. Что неудивительно – работать-то в деревне негде. Вот и уезжает молодежь в город, а тут одни старики остаются. А дороги засыпаны снегом, потому что чистить их должен Федор, который пьяный. Да он тут прям царь и Бог!

– Да, – рассмеялся Максим. – Молодых мужчин тут тоже немного.

Интересно, как моя прабабка выживала? Кого она лечила, если кроме стариков в деревне и нет никого? Хотя о чем это я? На стариках как раз-таки можно состояние скелотить. У них же постоянно что-то болит: суставы, давление, почки и далее по списку. Лечи – не хочу.

Мы подошли к небольшому заведению, на котором гордо красовалась обшарпанная надпись «Магазин», хотя больше оно напоминало какой-то сарай или барак с покосившимся крыльцом. Есть сразу же расхотелось.

– Это магазин? – спросила я с кислой миной.

Максим снова рассмеялся.

– Я же тебе говорил.

– А что ты ешь?

– То, что готовит жена Михалыча, у которого я живу.

Я от зависти чуть не сдохла. А если сейчас хоть чего-нибудь не куплю, то к вечеру в прямом смысле сдохну. От голода.

За деревянным прилавком стояла изрядно потрепанная жизнью женщина необъятных размеров. Я против полных людей никогда ничего не имела. Бывает полнота даже приятная, а тут же... Подбородки наслаивались друг на друга в три ряда. За щеками, кои покрывали алые румяна, почти не было видно глаз. Зато веки! Густого синего цвета. Грудь – мечта красоток с Рублевки. И никакого силикона. Все родное, природное, выращенное на свежем воздухе и натур-продуктах. И все это богатство плавно колыхалось на животе, который вполне можно было принять за беременный, на месяце эдак двенадцатом, тройней. Приятного впечатления не добавлял засаленный синий халат. На коротких пальцах-сардельках красовались кольца разного размера и фасона, а грязь под ногтями была видна даже под темно-фиолетовым лаком. Про Санэпидемстанцию и Роспотребнадзор здесь явно не слышали никогда.

Хозяйка «магазина» окинула меня таким оценивающим взглядом, что я почувствовала себя невзрачной замарашкой по сравнению с ней. Захотелось выйти пятками назад, но я заставила себя остаться на месте. Повела глазами по полкам – не густо: несколько пакетов с крупой, одинокая бутылка растительного масла, несколько банок с консервами, конфеты в коробке сомнительного качества, зато выбор водки и пива был шикарный. Заглянула в холодильник. Одинокая пачка масла и синяя курица. Были у меня сомнения, что умерла она сама, тихо, во сне.

Максим наблюдал за мной, с трудом пряча улыбку.

– Ну, – пробасила женщина-громада. – Брать что-нибудь будете? Или так, на экскурсию зашли?

– А..., – я прочистила горло, – тушенка у вас есть?

Продавщица бросила взгляд себе за плечо.

– Есть, восемьдесят девять рублей, – ответила она. – Брать будете?

Если учесть, что мясо стоит раза в три-четыре дороже, то вряд ли оно использовалось при производстве именно этой тушенки.

– Нет, спасибо, – отказалась вежливо. – А рыбные консервы есть?

– Какие? – закатила она глаза недовольно.

– Ну шпроты там, горбуша, килька.

– Шпроты, – вздохнула дама. – Килька есть. Брать будете?

– А они свежие? – решила я уточнить на всякий случай.

Меня одарили таким взглядом, как будто я нанесла продавщице личное оскорбление.

– Конечно, – хмыкнула она. – Вчера только поймала. Сама. В Воючке.

– А вообще у вас есть что-нибудь съедобное, от чего невозможно получить отравление? – спросила раздраженно.

– Водка. Пиво, – махнула она в сторону стройного ряда бутылок.

– А поесть? – произнесла с нажимом.

Дама вздохнула, повела взглядом по полкам и изрекла лениво:

– Ну чай вот есть.

– Мне бы съедобное, – напомнила я. – Чай – это напиток.

Интересно, сколько классов у нее образование?

– Дайте пачку макарон и..., – я замялась, а потом все же решилась. – Ладно, давайте вашу тушенку.

Если и умру, то хоть сытая. Чай, кстати, тоже взяла и сахар, и бутылку воды без газа. Уж ими-то точно не отравлюсь.

Обратно я возвращалась также в компании Максима. Выяснилось, что перед поездкой сюда его бросила девушка. Я хмыкнула.

– Поди та еще стерва была? – спросила с иронией. У мужиков ведь как? Распалась семья – виновата женщина. Хотя семьи тут и не было, но смысл один и тот же.

– Да нет, – пожал он плечами. – Хорошая.

Вот это поворот!

– А чего тогда ушла?

– Работу я любил больше, – вздохнул Максим. – Неделями пропадал в командировках. Дома бывал редко.

– Ясно, – кивнула я. – Слушай, я уже не первый раз слышу тут про туристов каких-то. Здесь, что, есть турбаза?

Авось повезет и я смогу там перекантоваться. Правда, о том, что у меня при себе не было столько денег, я как-то не подумала.

– Нет, не турбаза, – замотал он головой. – Михалыч, ну у которого я живу, организовал тут турбизнес. Любители экстрима могут пожить тут несколько дней, окунуться в деревенскую жизнь, в баньке там попариться. Даже свадьбы тут играют.

– Ого! Ну и как? Успешный бизнес?

– Не знаю. Но рекламу заказал.

– Ясно, – кивнула я.

Мы дошли до моей калитки и остановились. Приглашать незнакомого парня в дом я не собиралась. Мало ли что он улыбочивый и вызывает доверие. Маньяки – они все такие, неприметные и с виду хорошие. А потом выясняется, что у них под каждой березкой могилка.

– Значит, уезжаешь вечером, – произнес Максим.

– Ну да. Надеюсь. А кстати, остановка где?

– Возле первого дома, как в деревню въезжаешь.

– Ясно. Спасибо. Я пойду.

– Ага, – кивнул он с улыбкой.

Я бросила на него короткий взгляд и вошла в ворота. День тянулся долго, очень долго. Я вздрагивала от каждого шороха. Мне всюду мерещились тени и шаги. Так и с ума можно сойти. Эх, почему я не попросила у Максима зарядку? Может, она подошла бы к моему телефону? Но где его искать, не имела ни малейшего понятия. Пришлось терпеть.

Чтобы скоротать время и не сидеть в доме, расчистила дорожки к бане и тому месту, где были дрова. Снова растопила печь и приготовила макароны с тушенкой, при этом стараясь не вглядываться в то, из чего она была сделана. На вкус, кстати, оказалась вполне так себе. Запила этот нехитрый обед чаем и устроилась в зале на диване, разглядывая обстановку. Бабушка жила не богато, но все было чистое и добротное. Наверное, она еще занималась рукоделием, потому что полы были устланы самодельными ковриками, а повсюду на мебели лежали ажурные салфетки разных форм и размеров. Жалко, что я никогда ее не знала. Мне кажется, мы смогли бы найти общий язык.

Плотный обед и философские размышления – плохое сочетание для тех, кто хочет не спать. Я очень хотела, но не смогла. Сон сморил меня незаметно прямо там, где я и сидела. И

увидела я, как входит в комнату старушка. Чистая, аккуратная, далеко не немощная, а вполне себе крепкая, несмотря на испещренное глубокими морщинами лицо. На голове у нее платочек светлый. В платье она с длинным рукавом да в тапках домашних. Идет ко мне и улыбается, как будто ждала меня. И не страшно мне вовсе, хотя знаю, что нет ее уже в живых.

– Здравствуй, Аленушка, – слышу я ясно бабушкин голос, но ничего не отвечаю. – Вот ты и приехала ко мне. Не дождалась я тебя, правда. Но ничего. Это не страшно. Теперь все будет хорошо. Только не сопротивляйся, Аленушка, тому, что принять ты должна. Не примешь – бед не оберешься. От силы не отказываются.

– От какой силы? – спрашиваю я удивленно.

– Сила в тебе есть ведьминская, Аленушка. От меня унаследовала, – спокойно продолжает улыбаться прабабка. – Только не хочешь ты ее слышать, сопротивляешься, от того в жизни твоей и неладно все. Прими ее и жизнь наладится.

– Да как же мне ее принять, бабушка?

– Слушай себя, Аленушка. И ничего не бойся.

– А чего мне бояться?

Бабушка улыбнулась и стала уходить.

– Бабушка, постой, ты куда? – крикнула я вслед, но догонять не кинулась.

А как только она вышла за дверь, как я тут же проснулась, обнаружив себя сидящей на диване. Ну и сон! Приснится же такое. Наверное, все это из-за того, что было ночью. Стоп! Почему темно? Я бросилась к окну. В небольшой прогалок, свободный от изморози, разглядела на небе звезды. Какого черта! Я, что, проспала автобус?

Я бросилась на улицу, сбежала с крыльца и выскочила за ворота. Стояла тишина. В домах уже не горел свет и только трубы дымили.

– Нет, – простионала я, чуть не плача. – Нет, только не это!

В дом возвращалась с огромной неохотой. Постояла на крыльце, надеясь, что все же ошиблась и был только вечер – зимой же темнеет рано, но деревня спала. И только где-то вдали брехали собаки. Делать было нечего и я снова вошла в дом, включила свет и встретилась с внимательным взглядом маленьких глазок-пуговиц, после чего заорала так, что, наверное, вороны с окрестных деревьев попадали.

Глава 3

Я попыталась залезть на стену – не вышло. Бросилась к столу, поскользываясь и спотыкаясь, запрыгнула на него и зачем-то выставила вперед правую руку, хотя в ней ничего не было. А глазки-пуговицы продолжали спокойно наблюдать за моими телодвижениями.

– Ммммм, – мычала я, пытаюсь извлечь из себя хоть одно нормальное слово, но язык и губы онемели от страха.

– Немая, что ли? – спросил хозяин глазок-пуговиц. И я заорала второй раз. Теперь уже, наверное, окочурились все деревенские собаки.

– Да хватит орать, – недовольно проговорил маленький мужичок с растрепанными как солома волосами и густой бородой.

Орать – это все, на что я сейчас была способна.

– О, Господи! – вздохнул мужичок. – Да не верещи ты так!

Я замолчала и только всхлипывала от страха.

– Да не трясись ты так! Чего напугалась-то?

– Ты... ты... ты... ты..., – повторяла я и никак не могла продолжить вопрос.

– Заело, – пришел к выводу мужичок.

– Ты кто? – вдруг прорвало меня.

– Дементий. Домовой я.

– До... до... до...

– До-мо-вой. Де-мен-тий, – повторил он по слогам.

– Кто? – просипела я снова.

– Тьфу ты, дура. Да домовый я. Не слыхала, что ли, никогда?

Кивнула.

– Уже неплохо, – произнес... домовый.

– Слезай со стола-то.

Я замотала головой. Ни за что!

– Да кто ж на столе-то сидит, ненормальная?

Икнула и зажмурила глаза в надежде, что когда открою, видение в виде странного маленького человечка исчезнет. Открыла – не исчезло. Мама дорогая! Да что тут происходит?!

– Слезай, говорю, чокнутая!

Я коротко мотнула головой, наотрез отказываясь спускаться.

– Может, тушенка была некачественная, от того и галлюцинации у меня? – подумалось мне вскользь. А... ладно, пусть будет домовый, подошел ближе к столу. Я попятилась назад, пока не уперлась пятой точкой в подоконник.

– Да чего ты так испугалась? – откровенно не понимал он моего страха. – Ты, что, никогда домовых не видела?

Ага, каждый день с ними встречалась. Это ж как кошки – они везде. Я снова дернула головой, давая понять, что нет, не встречалась. И даже не особо по этому поводу расстраивалась.

– Как так? – опешил странный мужичок.

А я только смотрела на него, не моргая и не в силах пошевелиться или вымолвить хоть слово.

– Сила ж в тебе есть. Чувствую я это. Иначе бы и меня не увидела, – озадачился он.

Я моргнула. Сила. Какая сила? Вспомнился странный сон и разговор с покойной бабкой. Она тоже вещала мне про какую-то силу.

– Ты, что, не в курсе? – вдруг догадался домовый.

Я покачала головой. Страх медленно отступал, но стол покидать у меня даже мысли не возникло. Мы с ним уже почти единым целым стали. А надо будет и на лампочку залезу, если сильно припрет.

– Во дела! Ведьма – и не в курсе, – мужичок почесал затылок короткой ручонкой с маленькими пальчиками. – Да слезай ты со стола уже.

– Нет, – ответила, как отрезала.

– Охо хо! – вздохнул он тяжело. – Слушай, как же ты жила все это время и силу свою не чувствовала?

Я только плечами пожала, отстраненно подумав, что, похоже, из деревни живой уже не выберусь. Либо сразу в психушку увезут. И я уже почти была рада такому исходу. Увезите меня хоть куда, только подальше отсюда.

– Животных любишь?

Кивнула.

– А они к тебе легко идут?

Снова кивнула, вспоминая десятки подобранных и пристроенных собак и кошек.

– А растения хорошо у тебя растут?

Опять кивнула. Баба Наташа всегда говорила, что посеянное моими руками всходит быстро и дает хороший урожай. Да и любые цветы, даже уже почти не подающие признаков жизни, у меня оживали и начинали цвести буквально за считанные недели.

– Людей чувствуешь? Ну настроение их, хороший человек или плохой, что с ним что-то не так, проблемы у него или болезни?

Теперь я кивать не торопилась. Задумалась.

– Иногда, – ответила неуверенно.

– Значит, не в полной мере пользуешься силой, – заключил домовый. – А по жизни тебе везет? Или так все, через пень колода?

– Не везет, – призналась, вспомнив свои бесконечные проблемы. Господи, я разговариваю с домовым. Врача мне, срочно! А лучше водки! Никогда не пила – самое время начать.

– Ага, значит, не приняла ты силу, сопротивляешься ей, – задумчиво произнес он. – А зачем?

Хороший вопрос. Можно подумать я знала, что мне нужно что-то принять и не сопротивляться. Хотя я и не сопротивлялась никогда и ничему. Ну разве меня всегда тянуло жить на земле, но я все равно оставалась в городе. Ветеринаром когда-то хотела стать, но по настоянию мамы пошла учиться на бухгалтера. Олег мне не особо нравился, но подкупила его настойчивость – вот и результат. Мда!

– Ну что? – спросил домовый. – Со стола слезать будешь?

Посмотрела на него, на стол, снова на него. Интересно, галлюцинации могут нападать на людей? Впрочем, какая теперь разница? Все равно мне теперь прямая дорога к психиатру, в палату с мягкими стенами и питанием с лекарствами строго по расписанию. Я осторожно спустилась со стола, но приближаться к странному мужичку не спешила, разглядывая его на расстоянии. Полосатые штаны с заплаткой, лапти, подпоясанная выцветшая рубашка, то ли панамка, то ли шапка непонятного цвета на голове. Примерно так я себе всегда и представляла домовых, когда читала про них. Но то ж были сказки, а тут... А тут у меня просто крыша поехала, вот и все! Другого объяснения не вижу.

– Долго смотреть на меня будешь? – недовольно спросил домовый.

– А что? – ответила на автомате.

– Да как-то неприлично вот так разглядывать-то, – отчитал он меня.

– Я первый раз вижу домового, – призналась и подумала:

– И, надеюсь, в последний.

– Правда, что ли? – удивился мужичок.

– Правда.

– Как так? Ты же должна нас видеть.

– Не видела.

– Во дела!

– А ты здесь давно живешь?

– Давно. Баба Зина еще молодая была. Даже сынка у нее еще не было, – вздохнул он тяжело.

– А почему ее муж забрал сына? – решила я узнать семейную тайну.

– Да не согласен он был с тем, чем она занималась. Считал все это ерундой, злом. А бабушка Зина никогда никому зла не делала. Любила она все живое. Но не понял он ее. Не понял.

Домовой закручинился. Мне захотелось его утешить, но я заставила себя остаться на месте. Мало ли, может, это у него ход такой – меня приманить, а потом... расчленишь.

– А ты тут насовсем? – вдруг с надеждой он посмотрел на меня.

– Нет, – ответила поспешно. – Надеюсь, завтра уеду.

– Зачем? – растерялся мужичок.

– Домой мне надо.

– Твой дом тут, – сказал, как отрезал.

– Нет, мой дом там, в городе.

– Вот видишь, опять сопротивляешься.

Я задумалась. А ведь и правда. Мне же здесь понравилось, пока не услышала ночью этот страшный вой.

– Слушай, а что тут ночью было сегодня? Что за зверь так выл в лесу?

– Чего не знаю, того не знаю, – вздохнул домовый. – То мне не ведомо. Я за домом слежу, а что снаружи – не знаю. Только в последнее время перед смертью Зинаида была обеспокоена. Дела какие-то в деревне нехорошие творились. Пыталась она разобраться. Да не успела, царствие ей небесное.

Мы помолчали.

– Это ты сегодня ночью топал и дышал мне в лицо? – решила я уточнить. А то мало ли, вдруг тут еще одна галлюцинация обитает.

– Мне просто было любопытно, – он виновато опустил голову и зашаркал ножкой по полу.

– А тебе сколько лет? – так домовый мне сейчас напомнил нашкодившего мальчишку, что захотелось узнать его возраст.

– Много. Давно я на свете этом живу.

– Что? Сто лет?

– Больше, девонька, больше. Уже даже и не помню.

Спорить не стала, сомневаться – тоже. Галлюцинации могут позволить себе все, даже приписать древний возраст.

– А почему решил только сейчас показаться? – я уставилась на него с подозрением.

– Так это, присматривался я. Чувствовал, что сила в тебе есть, но не знал, с добром ты или нет.

– А теперь определился? – съязвила я.

– Ну вроде злого ничего пока не сделала, – растерялся мужичок.

– А может, я только собиралась?

Он сделал шаг назад и настороженно уставился на меня.

– Не бойсь, не обижу, – пообещала я. Но расслабляться домовый не спешил. – А тут еще кроме тебя кто-нибудь есть?

Он скосил глаза в сторону и замотал головой. И возникли у меня на этот счет сомнения – явно что-то скрывает. Ладно, разберемся по ходу пьесы.

– И как ты тут жил без Зинаиды Тимофеевны? – решила поинтересоваться.

– Плохо, – вздохнул мужичок. – Скучно и одиноко.

Мне снова стало его жалко.

– Есть хочешь? – спросила. – Молока, правда, нет. Могу печенюшку дать. Будешь?

– Я это не ем, – обиделся домовый.

– А что же ты ешь? – опешила я. – Есть еще макароны с тушенкой, но не советую. Галлюцинации могут начаться.

– Чего? – не понял он.

– Ну видения всякие. У меня вон уже начались, – кивнула я на него.

– Чего? – это уже возмущенно. – Никакое я не видение и не эта, как ты сказала, галюца... галюня... В общем, я не это.

Спорить не стала – пусть каждый останется при своем мнении. Мне было спокойнее верить, что Дементий – только плод моего уставшего воображения.

– А ты не знаешь, сколько время? – поинтересовалась я у домового. Существо сказочное и вполне могло располагать такой информацией, напрямую из космоса там, или из астрала. Не знаю, как у них это происходит.

Мужичок посмотрел на меня, потом на шкаф с посудой. Я проследила за его взглядом и почувствовала себя такой дурой. Судя по выражению его глаз, он был полностью со мной солидарен, потому что на шкафу стояли часы. И даже вполне рабочие. Секундная стрелка резво бежала по кругу, отмеряя время. И было на них без четверти двенадцать. Самое время чайку попить.

– А чай ты тоже не пьешь? – мне было совестно пить чай одной.

– Не ем я вашу еду.

– А чем же ты питаешься? – удивилась я.

– Домом.

– Чем? – поперхнулась от удивления.

– Ну если дома все хорошо, чисто, уютно, ссор нет и ругани, зла никакого – и мне хорошо. А уже если ребятишки малые в доме, так лучше некуда. А если все плохо – болею я.

– Понятно. А как же пишут, что молоко вам ставить в блюдце надо, конфеты там, печенье, хлеб?

– Да сказочники, – недовольно отвернулся домовый.

Экономно, однако. Тут себя бы прокормить – деньги-то дома остались. Взяла с собой так, мелочь. И то случайно, сама не знала, зачем. Ну хоть домового кормить не придется.

– Тогда, если ты не против, я попью чай.

Он пожал плечами и лихо забрался на лавку за столом. Я проследила за его телодвижениями ошалевшим взглядом, крепко зажмурилась, досчитала то трех и снова открыла глаза. Сидит. На меня смотрит, да так, что только пальцем у виска не крутит. Так, надо срочно выпить чаю.

– А у бабы Зины твоей никакой травки успокоительной не было? – решила уточнить, наливая в алюминиевую кружку воду из бутылки.

– А я ж почему знаю, что у нее было. Трав у Зинаиды было много. Знала она в них толк, да у меня-то другие обязанности. Не обязан я за травами следить.

– Это ж какие у тебя обязанности? – хмыкнула я, ставя кружку на печку. Заодно заглянула в дверцу, проверяя, не прогорел ли уголь. Можно и подсыпать. Подбросила сразу три полных совка. Он внимательно наблюдал за мной, после чего задумчиво покачал головой.

– За домом я следить поставлен, чтоб не завалился, не развалился, чтобы печь не дымила. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула. – А чего так плохо следишь за домом?

– Что? – его маленькое сморщенное личико вытянулось от возмущения.

– Ну дом-то того и гляди развалится, – я следила за тем, как закипает в кружке вода. Домовой посмотрел на меня как на умалишенную.

– Это с чего бы? – спросил он.

– Ну как с чего? Вон ставни поотваливались, крыльцо того и гляди завалится, фундамент в землю врос.

– Ты это про какой дом рассказываешь? – нахмурился мужичок.

– Про этот. Про какой же еще? – я сняла кружку и перелила воду в бокал с синими цветочками на боку, после чего опустила в него пакетик с чаем.

Дементий смотрел на меня, не отрываясь.

– Ничего нигде не заваливается. Чего зря наговариваешь?

– Ну как не заваливается? – начала я спорить. – Сам посмотри. К дому же страшно подходить.

– Да все с домом хорошо, – доказывал свое Дементий.

Я уже хотела возразить, когда услышала за окном какой-то шум. То ли ветер, то ли скрип какой. Замерла, прислушиваясь.

– Ты слышал? – спросила у мужичка.

– Чего? Как у тебя крыша едет? Слышал, конечно. Вон черепица падает.

– Да нет, – я даже не обиделась. – На улице шум какой-то.

Не успела договорить, как звук повторился. Как будто снег скрипел под ногами. Это, что, по двору кто-то ходит? Я стала усиленно вспоминать, запирали ли дверь.

– Дверь закрыта? – спросила у Дементия, не надеясь на ответ.

– Закрыта, – важно кивнул он. – На засов. Как положено ночью.

Я почти успела расслабиться, когда с улицы донесся негромкий стон и вроде как разговор. Да близко совсем. Как будто под окном.

– Ну, а теперь слышал? – требовательно посмотрела на домового.

– Слышал, – он тоже напрягся. – Стонет кто-то. Или плачет. Может, кошка мяукает.

Как только были сказаны последние слова, меня просить больше ни о чем не надо было. Если кошка мяукает, значит, просит о помощи, значит, ей плохо, больно или... холодно. Зима же на дворе.

– Посиди тут. Я сейчас, – я накинула пуховик и вышла в коридор.

– Метлу возьму, – крикнул мне вслед Дементий.

Зачем мне метла? Я же не собираюсь двор мести. Заберу кошку и вернусь. Ведомая стремлением помочь нуждающемуся, я все же не забыла об осторожности. На крыльцо вышла не сразу – сначала огляделась с порога. Никого – и тишина. Спустилась по ступеням, посмотрела по сторонам. Ни следов кошки, ни мяукания. Я прошла до калитки и выглянула через забор. Может, она на улице сидит? Мало ли, забыл кто домой впустить перед сном. Нет, ни кошек, ни собак. Я уже собралась вернуться в дом, как услышала хруст снега. По дороге кто-то шел. Медленно, степенно. Странно! Кому это не спится в такой час? Если только влюбленной парочке. Я же помнила из старых советских фильмов, как в деревнях парни с девушками гуляли допоздна, да под гармошку. Но нет, это была не пара. Фигура принадлежала женщине. Да и халат, выглядывающий из-под куртки говорил об этом. Шапки на голове нет. Сапоги обуты на голые ноги. А ничего, что сейчас зима? И судя по ощущениям, минус перевалил уже за десятку и останавливаться на этом не собирался.

Я вышла за калитку, запахивая пуховик. Женщина приближалась. Обратила внимание, что ее походка была не совсем обычной, но никак не могла понять, что с ней было не так.

– Вам помочь? – крикнула ей. Вдруг человеку плохо. Оделась впопыхах, чтобы бежать за помощью, поэтому и не по погоде. Правда, женщина совсем не бежала. И тут меня осенило, что с ней было не так. Она шла строго по прямой. Не оступалась, не обходила ямы и кочки

– она их просто не замечала, глядя только прямо перед собой, и на мой крик даже головы не повернула. – Эй, у вас все в порядке?

Незнакомка проплыла мимо, продолжая стойко меня игнорировать. Я проводила ее внимательным взглядом, потом оглядела пустынную улицу и в очередной раз подумала:

– Нет, надо отсюда валить. Любыми путями и способами.

После чего рванула в дом, закрыла дверь на засов и на всякий случай проверила – точно заперто.

– Ну что? Где кошка? – спросил Дементий, сидя на том же месте.

Я сняла пуховик, прошла к столу, села и пододвинула к себе остывающий чай. Головы не поднимала.

– Кошка, говорю, где, ненормальная?

– Можно подумать, вы тут все нормальные, – буркнула обиженно.

– Ты это кого имеешь в виду? – взвился домовый.

– Да вас всех в этой деревне. Заколдовано у вас тут, что ли? Уехать невозможно, по ночам черти что творится, жители как привидения бродят по улице, – не выдержала я.

– Какие жители? – нахмурился мужичок.

– Да откуда я знаю? – раздражение, замешанное на усталости и страхе, росло. – Идет вон, под ноги не смотрит, на голос не реагирует, прет напролом.

– Охо-хо! – вздохнул он. – Дела! Права была, Зинаида, дела здесь не хорошие творятся.

– Это я и без тебя поняла, умник, – бросила в сердцах.

– А можно без оскорблений? – обиделся домовый.

– Значит, тебе называть меня «дурой» и «ненормальной» можно, а мне тебя оскорблять нельзя? – возмутилась я.

Он глянул на меня из-под густых бровей.

– Был не прав. Исправлюсь.

– Завтра же отсюда уеду, – твердо заявила я.

– А может, не надо? – спросил мужичок осторожно.

– Не останусь тут ни за что. Пешком уйду. Не нужен мне ни дом, ни наследство.

– Э, осторожнее, – предостерег меня домовый. – Сила – это не та вещь, от которой можно так легко отказаться.

– Жила я без нее и дальше проживу, – отвернулась к окну.

– Ага, жила она. Мыкалась, скорее.

– И ничего. Потерплю.

– Потерпит она, – проворчал Дементий. – Да пойми ты, дуреха... Ой, девушка милая, не отпустит тебя сила. Дальше только хуже будет. Проблемы станут пострашнее.

– Куда уж еще страшнее? Парень изменил, жить практически негде, работы нет.

– Вот видишь.

– Здесь тоже не жизнь, – доказывала я свое. – По ночам звери воют, уехать невозможно, есть нечего, люди как зомби.

– Ладно, ты не горячись. Ложись спать. Утром оно всегда все по-другому видится, – как-то слишком резко отступил домовый.

– Спать? Да как тут можно спать? Того и гляди прирежут или загипнотизируют.

– Ой. Придумала тоже. В дом Зинаиды так просто не войдешь. Защита на нем. И пока работает. Так что, иди, девонька, спи. А я посторожу.

– Сомнительная перспектива, – съязвила я.

– Иди, говорю, – рявкнул он. – С ног вон валишься. Тошная как... селедка. Круги черные под глазами. Ты себя в зеркало видела?

Да я в зеркало в последний раз дома смотрелась, когда в эту дыру проклятую уезжала. Да и не было мне сейчас никакого дела до внешности. Выбраться бы живой и невредимой. В

одном домового был прав – спать я хотела немилосердно. Глаза с трудом открывала, чувствуя, как с каждой минутой веки наливаются свинцом.

– Иди, иди. Отдохни, – напутствовал меня Дементий. Сил сопротивляться больше не было и я покорно поплелась в спальню. Как ложились, не запомнила. Сон сморил меня сразу.

Проснулась, потому что выспалась. Сладко потянулась, не открывая глаз, и улыбнулась. Хорошо-то как! Но хорошо было ровно пару секунд, пока я не вспомнила, где нахожусь, и пока не поняла, что уже светло. Я подскочила на кровати, как ошпаренная, и бросилась к окну. Во всю светило солнце, отражаясь от снега и ослепляя.

– Да е-мое! – взревела я расстроено. – Опять проспала!

И бросилась на кухню, где чуть не налетела на домового. Значит, за ночь не полегчало и меня продолжали мучить галлюцинации.

– Ты чего орешь, как заполошенная? – недовольно спросил он, отскакивая с моего пути.

– Почему ты меня не разбудил? – набросилась я на мужичка, безуспешно пытаюсь натянуть угги, но почему-то все время промахивалась.

– Во-первых, – спокойно начал он, – ты не просила. Во-вторых, я тебе, что, будильник?

– Черт! – сунула я наконец ногу в сапог, затем – вторую.

– И не надо тут выражаться. Куда понеслась-то опять?

– На автобус. Вдруг не ушел.

Я схватила пуховик и бросилась на улицу, надевая его уже по дороге. Выбежала за калитку, добежала до поворота и резко остановилась. Никакого автобуса и в помине не было. Да и время то, судя по солнцу, близилось к обеду.

– Черт! Черт! Черт! – топала я от злости ногой.

– Ой, случилось чего? – раздался за спиной женский голос. Я резко повернулась. Передо мной стояла женщина преклонных лет, но далеко не немощная. Пальто на ней было хорошее, голова платком пуховым покрыта. И смотрит так обеспокоенно.

– Автобус. Ушел опять автобус, а я опоздала на него, – выпалила, запинаясь.

– Да не опоздала ты, – махнула рукой женщина и рассмеялась. – Не было его. И вечером не было.

– Как это? – растерялась.

– Ну ты видела, какой вчера снег был? Дорогу-то не почистили. Федор-то запил опять. Теперь это на неделю, если не больше. А почистить больше некому. Трактор только у него.

– Так он разобранный, – вспомнила я останки техники под снегом.

– Не, то старый. У него другой есть, – пояснила женщина. – А ты внучка Зинаиды?

Она весело сощурила глаза.

– Правнучка, – поправила я ее.

– А меня Мария Никитична зовут. Знала я твою прабабку хорошо. Дружили мы с ей.

Я с подозрением присмотрелась к женщине. В этой деревне ухо надо держать востро. Кто его знает, кто тут друг, а кто враг?

– А тебя как звать?

– Алена.

– Аленушка, стало быть, – по-доброму улыбнулась Мария Никитична. – А я ж к тебе шла. Тут о тебе вся деревня говорит.

– Чего говорит? – напряглась я.

– Ну что приехала ты. Что дом продать хочешь. Давно тебя Зинаида искала.

– Она меня искала? – удивилась, тут же забыв про автобус и свои печали.

– Искала. Несколько лет назад нашла она сына своего. Стало быть, твоего деда. Но не стал он с ней разговаривать. Не знаю, чего уж там его отец ему наплел, но не принял он Зинаиду, – женщина печально вздохнула. А я даже не знала, что к деду приезжала мать. – А потом сон ей

приснился, про тебя. И она покой потеряла, разыскивая тебя. Нашла. Незадолго до смерти. И где живешь, и как живешь. Сокрушалась, что пропадешь ты, если не одумаешься.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Вот не знаю, не поясняла она. Но сказала, что все тебе завещает. Больше никому.

– Почему она ни разу не встретила со мной?

– Боялась, что не захочешь ее видеть, прогонишь, как сын.

Ну да, если учесть, что я никогда не знала о ее существовании, то вполне могла и не поверить прабабке.

– А ты в доме живешь? – кивнула Мария Никитична мне за спину.

– В доме, – тоже бросила я взгляд через плечо и остолбенела. За ночь он так преобразился, что как будто и не мой вовсе был. Конечно, выглядел дом не как новый, но и был далек от той развалины, которую я увидела по приезду: аккуратные ставенки, выкрашенные в белоголубой цвет в тон самого дома, крыша, покрытая целым шифером, основательный фундамент, выглядывающий из-под снега, крепкие стены.

– Что за чертовщина? – пробормотала я растерянно и даже сделала несколько шагов к дому.

– Чего? – не расслышала женщина.

Я бросила на нее короткий взгляд и снова повернулась к дому. Как он мог за ночь так измениться? И даже как будто больше стал.

– Ты чего так на него смотришь? Первый раз увидела, что ли? – рассмеялась Мария Никитична.

Я только кивнула и, тут же спохватившись как бы не приняли за сумасшедшую, поспешно ответила:

– Да нет, смотрю, не нужен ли ремонт.

– А. Да дом-то хороший. Старый, правда, но Зинаида за ним следила, ремонт делала, когда сама, когда нанимала кого. Продавать будешь?

– Не знаю, – я все еще никак не могла прийти в себя.

– Слушай, у Зинаиды же, наверное, и есть-то нечего. Овощи она убрать не успела – умерла раньше. Я чего шла-то. Пойдем ко мне. Накормлю тебя. А-то вон кожа да кости одни.

Я с сомнением посмотрела на женщину. Впечатление она производила приятное, доброе. Вспомнились слова прабабки из сна: «Слушай себя, Аленушка».

– Мне как-то неудобно, – замялась.

– Да чего неудобного-то. Идем. Я блинов с утра напекла. Да сметанка с вареньем домашние. Идем-идем.

И она потянула меня за руку, а я и не стала сопротивляться. Жила Мария Никитична неподалеку – всего через несколько домов. Когда мы уже подошли к темно-зеленой калитке, сзади раздался громкий и веселый голос:

– Привет, Никитична!

Мы как по команде обернулись. И пока женщины здоровались и обменивались последними новостями, я стояла, открыв рот, и внимательно разглядывала незнакомку. Теперь при ярком свете дня было видно, что лет ей около сорока. Красотой она не блистала, но и неприятной ее наружность назвать было нельзя. Иными словами, ничего выдающегося. Бледная только немного, хотя улыбается. В отличие от ночи, сейчас женщина была одета тепло – пуховик застегнут, шапка меховая из чернобурки, болоньевые толстые штаны и валенки. В руках у нее была пустая авоська. Видать, в магазин пошла. Я внимательно пригляделась к женщине. Ничто в ее облике не напоминало внешность зомби. Вполне себе живой человек, разговаривает, смеется, активно жестикулирует. Ошибки быть не могло. Хоть и была темная ночь, но видела я именно эту женщину.

– Ну, пойдем, чего замерла? – окликнула меня Мария Никитична.

– А кто это? – спросила я, проходя в калитку первой.
– Это Ольга. Кстати, жена Федора. Говорит, пьет по-черному. Это надолго.
Женщина заперла ворота и пошла к крыльцу.

– А она не больна? – поинтересовалась я осторожно, поднимаясь по ступеням.
– Да с чего бы? – удивилась Мария Никитична, открывая замок.
– Ну не знаю, бледная она какая-то, – выкрутилась я.
– Ну так поживи с пьяницей. Он же все соки выпьет. Проходи.

В доме было жарко натоплено, пахло блинами и борщом. На стуле под столом, свернувшись в тугой комок, спал огромный рыжий кот. При нашем появлении он поднял голову, приоткрыв один глаз, внимательно рассмотрел меня, после чего спрыгнул и лениво подошел.

– Ну, тебе до всего дело есть, – проворчала на него хозяйка. А кот тем временем обошел меня по кругу, обнюхал, потерся округлыми боками о мои ноги и сел, разглядывая.

– Как тебя зовут? – улыбнулась я, снимая пуховик.

– Васька он, – ответила Мария Никитична, которая уже во всю хлопотала, накрывая на стол.

Я присела на корточки и погладила кота. Он довольно прогнул спину и замурлыкал.

– Красавец, – похвалила его и тут же вспомнила про Тишку и Кешу. Настроение упало ниже плинтуса. Как они там? И почему родители до сих пор не приехали? Я же оставляла им адрес, куда еду. От меня уже два дня ни слуху ни духу, а они молчат. Не случилось ли чего?

– Ну ты чего там застряла-то у порога? Проходи, мой руки и садись за стол.

– А... Можно умыться? – замялась я. – Просто у бабушки воды нет.

– Конечно, можно, – кивнула женщина, ставя на стол тарелку с высокой стопкой румяных блинов. У меня аж с подбородка слюна закапала. – А у Зинаиды есть вода. Колонка возле бани. Наверное, снегом засыпало, вот ты и не увидела.

Я умылась, тщательно вымыла с мылом руки, а после села за стол.

– Давай, ешь, голодная, небось.

Голодная – это слабо сказано. Я бы сейчас одна всю эту гору блинов проглотила и не заметила, но приходилось соблюдать приличия – есть не спеша и не много. Пока стопка блинов уменьшалась, Мария Никитична рассказывала мне про бабушку: какая она была добрая, светлая, никому не отказывала в помощи. Да и нельзя было ей отказывать – силы бы тогда лишилась. Вся деревня лечилась у нее от мала до велика.

– Сильная была Зинаида ведунья, – закончила женщина свой рассказ. – И смерть ее стала неожиданностью для всех.

– Почему? – удивилась я. – Ей лет-то было уже много.

– Да что там лет! – махнула рукой Мария Никитична. – Крепкая она была. Лет десять точно бы еще прожила. Да и на здоровье никогда не жаловалась. А тут раз – не стало ее.

– А она... точно сама? – спросила я осторожно.

– Да а как же еще? – удивилась бабушкина подруга. – Нет, Зинаиду бы тут никто не тронул. Да и сказали, что не было на ней следов этой, как ее, смерти-то.

– Насильственной, – помогла я Марии Никитичне.

– Да, именно.

Мы помолчали. Мне хотелось съесть еще блинчик, но я постеснялась.

– Хорошо у вас тут, наверное, летом, – улыбнулась я, решив сменить тему. – Лес, речка, наверное, есть. Купаться можно, ягоды, грибы собирать.

– О, так было раньше. Речка-то есть, да грязная она. Есть даже озеро в лесу, но в последние годы затянуло его тиной, в болото стало превращаться. А грибов все меньше и меньше. Да и ягод почти не осталось.

– Почему?

– Да кто его знает? Может, туристы вырывают с корнем. Только почти не осталось ничего в лесу. Даже зверье все разбежалось. Зайцы водились, лисы, даже медведи. А потом ушли все. Даже птиц не слышать.

Меня охватило недоброе предчувствие. Зверей, птиц нет. С чего бы? Ладно бы стройка рядом большая была, город бы строили, или завод какой открыли – тогда понятно, но деревня находилась далеко от всего этого. Казалось бы, такое раздолье для животных!

– Да и вообще в лес стало небезопасно ходить, – продолжила Мария Никитична хмуро.

– Почему? – насторожилась я.

– Люди пропадают. Нечасто, но случается. А в прошлом году турист один пропал. Несколько дней искали. Потом нашли. Сидел сам не свой, седой весь, а парню было около тридцати.

– Ничего себе. Что же с ним произошло? – я отодвинула от себя пустой бокал и приготовилась услышать захватывающую историю.

– А никто не знает. И он ничего не рассказывал. Бормотал что-то себе под нос, руками махал, про тварь какую-то вещал. Все кричал: «Уйди, тварь, уйди». В общем, увезли парня в психушку. С тех пор наши в лес не ходят. Если только с краю.

Я задумалась. Не ту ли тварь этот несчастный имел в виду, которая в первую мою ночь в деревне бесновалась в лесу и выла?

– А вы сами ничего странного не замечали в деревне или в лесу? – спросила осторожно.

Мария Никитична посмотрела на меня внимательно.

– Да все тут странно, Аленушка. Зинаида давно это заприметила. Да никак не могла понять, что происходит.

– А она ничего вам не рассказывала?

– Да так, не особо. Только говорила, что не спроста звери ушли, да ягоды с грибами пропали. Деревья стали изгибаться. Как-то она вскользь сказала, что темное что-то чует, а что, не сказала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.